

Улыбка сошла с его лица. Он стал таким упрямым, что Шэнь Цзунняню оставалось лишь с легкой безысходностью вздохнуть:

— А как ты думаешь, что я люблю?

Тань Юмин всмотрелся в его чёрные зрачки, словно пытаясь пронзить взглядом эти спокойные глаза.

Один пятился, другой шёл следом. Они двигались синхронно, как по невидимым рельсам.

Внезапно кто-то из них нарушил негласную гармонию и резко затормозил. Шэнь Цзуннянь чудом успел остановиться вплотную к нему, опустив взгляд, полный пристального внимания и предупреждения.

Тань Юмин проигнорировал это.

— Шэнь Цзуннянь, — он склонил голову набок, серьёзно задумавшись, и пробормотал себе под нос, — ты ведь любишь личи?

В эту секунду стрекотание цикад конца лета стало оглушительным.

Влажность и духота морского города поглощались миллионами листьев и испарялись вновь. Зелёные волны колыхались, пуская рябь. Было тихо-тихо, и в то же время всё вокруг кипело от звуков.

Ресницы Шэнь Цзунняня дрогнули:

— Почему ты так решил?

— В детстве ты часто общался с менеджером Чжаном.

Менеджер Чжан управлял тропическими садами семьи Тань. С самого марта он регулярно отправлял в старый особняк свежие личи.

Тань Юмин уплетал их за обе щеки. Он не разбирался в сортах: красно-зелёные — это «Улыбка наложницы» или «Мартовский красный»? А те, что с хрустящей мякотью — «Гуалюй» или «Вкус османтуса»? И он никогда не знал, что самые крупные плоды с самыми крошечными косточками и тончайшей кожурой — это сливки урожая. Их кто-то лично отбирал, сортировал и пробовал на вкус, прежде чем они попадали к нему на стол.

Дереву личи нужны годы, чтобы укорениться, пустить ростки и окрепнуть. Плодоносить оно

начинает на пятый год. За шестнадцать лет, что Шэнь Цзуннянь прожил в семье Тань, каждое лето самые сладкие плоды с каждого дерева доставались Тань Юмину.

Да и сам Тань Юмин был самым прекрасным плодом, который вырастило «дерево» по имени Шэнь Цзуннянь, отдав ему все соки и силы.

— Тебе не нравится?

Зрачки Тань Юмина были такими же чёрными и блестящими, как в детстве. Ещё чернее и ярче, чем косточки личи. Хоть он давно вырос, когда он смотрел на кого-то с таким вниманием, в его взгляде всё ещё сквозила сладость.

Шэнь Цзунняню оставалось лишь отвести взгляд:

— Нет.

Тань Юмин улыбнулся:

— Тогда следующим летом поедem отдыхать в сад. Будем сами собирать и есть.

— Попросим менеджера Чжана достать снаряжение для кемпинга. Сорвал — и сразу в рот, первый урожай самый свежий.

— Настoим побольше вина на личи и отвезём дедушке.

— Или засушим их, чтобы тётушка заваривала с улуном.

— Шэнь Цзуннянь?

Шэнь Цзуннянь обошёл Тань Юмина:

— Главное, не буди меня посреди ночи, чтобы я гонял от тебя комаров.

Предложение превратилось в обещание. Тань Юмин был доволен. Ему казалось, что если дать достаточно обещаний, они превратятся в нити, которые свяжут Шэнь Цзунняня и не дадут ему так легко уйти.

В зоне ожидания у школы уже собралась толпа. В основном это были чужие няньки и водители. Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин выделялись среди них, как журавли в куриной стае. Издалека раздался звонкий крик Тань Долэ:

— Дядя!

Оба обернулись, ослепив своей красотой стайку «цветов жизни».

Малышня выстраивалась в цепочку и гуськом выходила из ворот, задирая головы, чтобы поглазеть на этих незнакомых молодых красавчиков.

Крутая стрижка-маллет у Тань Долэ сильно выделялась среди классических девичьих каре. Тань Юмин крикнул:

— Всё, не беги!

Тань Долэ, не обращая внимания на болтовню и расспросы одноклассников, со всех ног бросилась к нему. От столкновения Тань Юмин слегка отшатнулся:

— Ого! Признавайся, у тебя там бомба в рюкзаке? Решила школу взорвать?

Племянница пошла в дядю. Тань Долэ дерзко ответила:

— Да я бы её в первый же день взорвала, чего до сих пор-то ждать!

В «Иньхуа» всегда царила свобода, домашних заданий там почти не задавали. Тань Юмину стало любопытно:

— Тогда что же у тебя там лежит? Можно взглянуть, староста Долэ?

Тань Долэ с готовностью раскрыла рюкзак.

Тань Юмин заглянул внутрь: ну и ну! Китайские романы, сборники манги, а ещё огромная коробка с лимитированным набором Lego. Единственная тетрадка с домашкой была скомкана в самом углу.

Тань Юмин потерял дар речи:

— Это всё твоё?

— Роман Кингсли, — со знанием дела начала перечислять Тань Долэ. — Мангу мне дала почитать Вэнь Цюйсинь. А лего я соберу и потом отдам Джуди.

Тань Юмин цокнул языком:

— Ну и связи у тебя, сестрёнка Долэ!

Ребёнок сладко улыбнулся:

— Вся в дядю!

Тань Юмин открестился:

— Когда я учился, у меня в портфеле такого хлама не было.

Девочка не поверила и, задрвав голову, спросила дядю Цзунняня:

— Правда?

Тань Юмин тоже посмотрел на Шэнь Цзунняня.

На этот раз Шэнь Цзуннянь не стал соблюдать нейтралитет и солгал Тань Долэ:

— Угу.

На самом деле хлама было в разы больше: сладости, леги, игровые приставки. Было всё, кроме учебников. А единственными «книжками» в рюкзаке были пачки любовных писем.

Раньше Шэнь Цзуннянь таскал рюкзак Тань Юмина, а теперь ему приходилось носить рюкзак его племянницы. Он застегнул сумку, на которой болтался брелок-собачка, повесил её на сгиб локтя и сказал:

— Пошли.

На улице Линсяньлэ было немногочисленно. Тань Долэ бежала вприпрыжку и вдруг попросила:

— Дядя Цзуннянь, смотри, сколько манго! Я хочу сорвать одно.

Шэнь Цзунняня раздражало даже слово «манго», но он ответил:

— Срывать нельзя, но можешь потрогать.

— Ладно, тогда я просто потрогаю.

Шэнь Цзуннянь поднял её, чтобы она дотянулась до тяжёлых гроздей плодов.

Тропический ветер уходящего лета казался золотистым и сладким. На чёрную рубашку Шэнь Цзунняня легла тёплая аура света. Он держал ребёнка так, словно поднял в небо радостную птичку. Растрёпанные пряди его волос развевались на ветру.

Тань Долэ что-то сказала ему. Он слегка склонил голову и со спокойным лицом кивнул, тихо промычав в ответ.

Тань Юмин замер, наблюдая за ними. Он невольно подумал, что в будущем Шэнь Цзуннянь станет отличным отцом. Кого он хочет — сына или дочку? Когда женится? Кого будет каждый день возить в школу и кому по вечерам будет греть молоко?

Загорелся зелёный свет. Люди засуетились. Тань Юмин нахмурился, погружённый в мрачные мысли. Шэнь Цзуннянь тихо прикрикнул на него:

— Смотри под ноги.

Он перехватил ребёнка одной рукой, а ладонь другой упёр в спину Тань Юмина, помогая этой парочке перейти дорогу.

Тань Юмин повернул голову вправо и, не отрываясь, смотрел на Шэнь Цзунняня переменчивым, изучающим взглядом. Даже Тань Долэ не выдержала. Она указала на белую надпись «Смотри налево» на асфальте и нравоучительно произнесла:

— Дядя, смотри налево.

Шэнь Цзуннянь тоже наградил его предостерегающим взглядом. Витать в облаках посреди проезжей части — это верный способ расстаться с жизнью.

Только тогда Тань Юмин отвернулся и посмотрел на дорогу. Но большая, горячая рука на спине не сгладила морщин на его сердце. Наоборот, под мерный стук светофора он нервничал всё больше и больше.

Он недовольно вырвался.

Шэнь Цзуннянь решил, что тот просто разозлился из-за того, что его пристыдили перед ребёнком. Но когда речь шла о безопасности, Шэнь Цзуннянь не давал поблажек. Он с силой прижал руку к его лопаткам, словно беря под конвой.

У Шэнь Цзунняня была большая рука с горячей ладонью. И хотя она лежала на спине, казалось, что её тепло проникает сквозь тонкую ткань рубашки, касаясь самой кожи. На

пальцах проступали жёсткие мозоли. Тань Юмин покрылся лёгкой испариной и машинально выпрямил спину.

Эту руку он пожимал, брал в свою, обнимал. Но сейчас она будто пронзила его тело, прошла сквозь позвоночник и сжала сердце. Она мягко поглаживала и разминала его, словно собираясь вытащить наружу и посмотреть, о чём же думает его хозяин.

Десяток секунд зелёного света показались Тань Юмину вечностью. Сердце билось невпопад, ноги заплетались. Но когда рука Шэнь Цзунняня исчезла, он снова нахмурился.

Казалось, эта рука забрала с собой кусочек его сердца, оставив внутри пугающую пустоту.

Тань Юмин шагал вперёд как в тумане, сам не понимая, что с ним происходит. Вдруг его крепко схватили за руку. Он обернулся и встретился с серьёзным взглядом Шэнь Цзунняня. Тот нахмурился:

— Тебе правда плохо?

— А? — Тань Юмин очнулся, как ото сна. Его раздражение как рукой сняло. Он ответил совершенно невпопад: — Давай ребёнка мне, а сам иди за машиной.

Тань Долэ действительно влюбилась в кресло с белой лошадкой. Она сама залезла в машину, ловко пристегнулась и объявила:

— Дядя, завтра у нас урок обществознания.

— Во сколько? И куда пойдёте? — В детстве Тань Юмин тоже ходил на такие уроки от «Иньхуа». Как бы ни были заняты Тань Чуншань и Гуань Кэчжи, они всегда находили время пойти с ним.

— В два часа дня. В музей.

— Хорошо, я понял.

Тань Долэ поболтала ногами:

— А дядя Цзуннянь пойдёт?

Шэнь Цзуннянь крутанул руль:

— Мне тоже надо? — Он не бывал на таких уроках, и уж тем более у него не было уютного

семейного досуга.

— Ну, Фарра сказала, что придут и её мама, и папа, — манера говорить у Тань Долэ была точно такой же, как у её дяди. — Но если ты занят, пусть дядя Юмин со мной пойдёт. Ничего страшного.

Шэнь Цзуннянь тут же ответил ребёнку:

— Я свободен.

Тань Юмин отвернулся к окну, давась от смеха.

Тань Долэ тоже обрадовалась. Когда они проезжали мимо торгового центра Харбор-сити, она заявила, что хочет зайти за школьными принадлежностями для завтрашнего урока. Тань Юмин видел её насквозь: она просто хотела наесться вкусняшек, пока Гуань Кэчжи нет рядом.

У Тань Юмина всё же были кое-какие принципы:

— Тётушка-экономка уже приготовила ужин. И там твой любимый краб по-тайфунски.

Тань Долэ прильнула к стеклу, разглядывая небоскрёбы. Она посмотрела на него большими глазами и тихонько проговорила:

— Мама ещё в прошлом году обещала сводить меня сюда за книжками, но забыла...

Шэнь Цзуннянь мигом свернул на парковку.

Тань Юмин: «...»

Шэнь Цзуннянь почти не бывал в торговых центрах, а вот Тань Юмин знал их как свои пять пальцев. И дело было даже не в том, что все универмаги на Бёрлингтон-авеню принадлежали семье Тань. В детстве Тань Чуншань и Гуань Кэчжи часто привозили его сюда развлекаться.

Тань Юмин уверенно повёл ребёнка от зоны Ocean Terminal до Star Annex, а затем они поднялись на третий этаж в книжный магазин. Окна местного кафе-читальни выходили на залив. Снаружи плескалось бирюзовое море, а вдали виднелась оранжево-белая часовая башня с остроконечным шпилем.

В магазине был детский отдел. Оказалось, что «купить книжки» в понимании Тань Долэ — это набрать детективов и девчачьей манги. Тань Юмин почувствовал себя обманутым.

Шэнь Цзуннянь молча шёл за ними, работая носильщиком. Всё, на что падал взгляд дяди и племянницы, он послушно складывал в корзину.

Выйдя по лестнице на набережную, они увидели, как сумерки разлили по морю золото. Тань Долэ отчаянно подпрыгивала на своих коротких ножках, но ничего не видела, поэтому Тань Юмин поднял её на руки.

Людей, желающих полюбоваться морем, было слишком много. Шэнь Цзунняню пришлось прикрыть обоих собой.

Двое красивых мужчин с крутой девчонкой на руках то и дело ловили на себе восхищённые взгляды.

Вечерний бриз конца лета трепал рубашки и путал волосы. Заходящее солнце, словно перезрелый мандарин, разбилось о сумерки, пролившись кисло-жёлтыми и ржаво-красными полосами.

Шум прибоя эхом отдавался в ушах. На противоположном берегу зажглись огни. Кроваво-красное солнце бросилось в воду, совершив самоубийство, и море превратилось в тёмно-синие чернила.

На небе ещё оставались пурпурные разводы — финальные титры фильма, последняя глава истории. Шумная толпа колыхалась, как отлив, так и не дождавшись спасительного ковчега в конце времён.

Людей становилось всё больше. Тань Юмин инстинктивно оглянулся. Шэнь Цзуннянь положил руку ему на плечо:

— Давай ребёнка, а сам носи книги.

Они поменялись. Шэнь Цзуннянь полюбнял Тань Юмина, защищая его от толпы. Тань Юмин ухватился за его локоть. Рука Шэнь Цзунняня на долю секунды дрогнула, а затем он перехватил ладонь Тань Юмина и пошёл вперёд, прокладывая дорогу.

Тань Юмин смотрел на его спину. Пару раз толпа едва не разделила их, и он занервничал.

Шэнь Цзуннянь словно почувствовал это. Он обернулся и рывком притянул его к себе. Внимательно всмотревшись в его лицо, он нахмурился:

— Тебе плохо?

В такой плотной толпе воздух стоял спертый, и дышать было тяжело.

Этот жест успокоил Тань Юмина.

— Нет. Просто слишком тесно. Держи ребёнка крепче.

Могучая спина Шэнь Цзунняня отгородила для них крошечный островок безопасности. Если кто-то наваливался, он изо всех сил защищал спутника плечами и руками.

Небо стало ещё более фиолетовым. Ковчег конца света так и не приплыл. Среди тысяч людей, жадно смотрящих вдаль, только у Тань Юмина был свой собственный Ноев ковчег.

Подул морской бриз. Тань Юмин повернул голову и увидел в толпе семью из трёх человек. Там отец тоже держал ребёнка на руках и обнимал жену. Тань Юмин даже уступил им немного места.

— Тань Юмин.

Он поднял голову и наткнулся на тёмный взгляд Шэнь Цзунняня, который с угрозой произнёс:

— Избавляйся от привычки витать в облаках на ходу.

Это был уже второй раз за день.

В отличие от предыдущего раза, Тань Юмин не стал огрызаться. На душе у него почему-то было так радостно. Ему даже нравилось, что им командуют. Он сам себе поразился: может, он и правда ещё не выздоровел? Он послушно посмотрел на Шэнь Цзунняня и сказал:

— О.

«...» Видя его таким послушным, Шэнь Цзуннянь не смог больше его отчитывать.

<http://bllate.org/book/17117/1614150>